

Оглавление

- Вологодина Т.В. Город как герой в романе Ю. Кунчинаса „Туула”
- Гуделене Б. К. Написание дифтонгов [ai], [ei] в литовских заглавиях *Epitome Historiae Sacrae* Симонаса Даукантаса
- Кожанов К. А. Конкуренция референтной и нереферентной серий неопределенных местоимений в литовском языке
- Перкова Н.В. *Холодно* или *горячо*: об обозначениях температуры в латышском языке
- Тримоните Б. Ю. Аруновна Фонотактика имплозии рефренов-звукоподражаний
- Уселите Ю.Р. Литовская редупликация слов

Город как герой в романе Ю. Кунчи́наса «Туула»

Вологдина Татьяна Владимировна

Молодой ученый, Институт польской филологии Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша

Роман Ю. Кунчи́наса (1947–2002) «Туула» (1993) признан одним из наиболее значимых достижений в современной литовской литературе. Рассказать историю любви главных героев (бездомного бродяги и Туулы) – основная цель повествователя. Цель эта достигается посредством глубокого анализа топоса города, «вчувствования» в Вильнюс. При этом выявляется генетическая связь между человеком и городом. По этой причине роман приобретает локальный характер, отчетливый вильнюсский колорит: перед нами история, которая могла случиться исключительно в Вильнюсе.

Более того, город в сознании автора и рассказчика является живым организмом с ярко подчеркнутой телесностью, которую читатель постепенно постигает и идентифицирует при помощи ряда стилистических средств и тропов, в первую очередь, олицетворений, анимизаций и антропоморфизмов.

В тексте романа функционирует несколько взаимосвязанных эманаций города: город как пространство, город как универсум, город как скопление человеческих судеб, город как герой и город как тело. В докладе внимание будет сосредоточено на двух последних явлениях.

Кунчи́нас выстраивает сложную и многослойную систему города, в которой решающую роль играет взаимодействие человека и города. Постоянно сравнивая и отождествляя человека и город, автор достигает своеобразной персонификации Вильнюса. Он становится самостоятельным героем романа, живущим своей неповторимой жизнью.

Написание дифтонгов [ai], [ei]

в литовских заглавиях *Epitome Historiae Sacrae* Симонаса Даукантаса

Гуделене Бируте

Аспирантка Института литовского языка, Вильнюс, Литва

Подготовленная Симонасом Даукантасом книга *Epitome Historiae Sacrae* (с литовско-латинским словариком *žodrodys*) появилась в Санкт-Петербурге 29 октября 1938 г. Латинский текст этого сочинения состоит из 63 страниц, в нем представлено 206 литовских заглавий. Приведем некоторые примеры с 1-й страницы:

(1)
D i j w ' s i k u r e ę p a s a u l e s z e s z i o m i s d i j n o -
m i s .

(2)
D i j w ' s s ó t w i e r e ę A d o m a ą p i r m o u i ž m ó g u
i s z ž a m e s .

(3)
D i j w ' s p a w e d e ž m ó g o u r o i u ó ž b ó t a .

Книга *Epitome Historiae Sacrae* впервые издана в Литве в 1809 г. Ее подготовил Людвик Соболевскис. Даукантас был вторым переводчиком этого сочинения на литовский язык (после Симонаса Станявичюса). В последующем издании 1821 г. заглавия были русскими, однако не установлено, что Даукантас воспользовался именно этим изданием.

Первичным источником сочинения Даукантаса, который он использовал опосредованно, послужила книга *Epitome Historiae Sacrae*, подготовленная французским профессором Шарлем-Франсуа Лемондом (1727–1794). Она представляет собой сокращенный вариант Ветхого Завета, предназначенный для обучения латинскому языку.

Анализируется написание дифтонгов [ai], [ei] в литовских заглавиях издания Симонаса Даукантаса *Epitome Historiae Sacrae*, которые написаны на северножемайтийском кретингском диалекте.

Доподлинно установлено, что заглавия в *Epitome Historiae Sacrae* переведены позднее (по сравнению с уже упоминавшимся латинским словариком *žodrodys*), когда в силу уже вошло аукштайтийское написание дифтонгов [ai], [ei].

Использованные в заглавиях диграфы *ai, aj, ei, eī* в монофтонгизированном виде записаны следующим образом: *a, a', è, é, e'*. Традиция аукштайтийского написания заимствована из *ZIWATO*, в котором наиболее частотны аукштайтийские дифтонги [ai], [ei]. При графическом отображении монофтонгизации дифтонгов [ai], [ei] Даукантас опирался на традицию *Козоня*. Написание дифтонгов [ai], [ei] по-аукштайтийски (вошли в употребление после 1842 г.) вызвано стремлением угодить представителям других диалектов. Определенное влияние оказала и прежняя традиция, в частности труды Даукши и Сирвидаса.

Мы сопоставили написание литовских заглавий в *Epitome Historiae Sacrae* с орфографией словарика *žodrodys*, а также проанализировали написание некоторых графем с диакритиками. Последние употребляются и для выражения монофтонгизации и для обозначения морфологических особенностей.

В литовских заглавиях издания *Epitome Historiae Sacrae* для выражения монофтонгизации используется графема *a* (2 раза) и только здесь встречающаяся *a'* (1 раз), напр.: *Weikala* ~ *veikalai* работы (с. 54), *wakū* ~ *vaiku* детей (с. 31), *weikala'* ~ *veikalai* работы (с. 56). Нами обнаружены также графемы с диакритиками *é* (1 раз) и *è* (1 раз), напр.: *adv. ligè* ~ *lygiai* ровно (с. 16), *nom. pl. jaunikaite* ~ *jaunikaiciai* молодцы (с. 53), общее со словариком *žodrodys* написание *e'* (5 раз), напр.: *Brole'* ~ *broliai* братья (с. 11, 16, 20).

В заключение будет представлена таблица, характеризующая количественное распределение графем, используемых для передачи [ai], [ei] в литовских заглавиях издания *Epitome Historiae Sacrae*.

Жемайтийские и аукштайтийские графемы, обозначающие монофтонгизацию, имеют здесь различное распределение (аукштайтийское написание встретилось в 50 примерах, жемайтийское – в 10). Наиболее многочисленными и широко представленными являются *ai, ei* (27 и 19 случаев), а их варианты *aj, eī* единичны (число примеров: 3 и 1) (напр.: *sm. nom. pl. tvanaj* ~ *tvanai* наводнения (с. 3), *weikalaj* ~ *veikalai* работы (59), *sm. dat. sg. Iudaj* ~ *Judai* для Иудея (с. 60), *praes. 3 teišinas* ~ *teisinasi* оправдываются (с. 2)).

Для выражения слитного дифтонга [ie] Даукантас не употреблял графемы *eī* ни в словарике *žodrodys*, ни в литовских заглавиях *Epitome Historiae Sacrae*. Ср. еще в заглавиях встречающееся слово *teisdayrys* ~ *teisdayrys* судья (с. 32). Нами отмечена тенденция попеременного использования графем *ai* и *ei*, которые чередуются каждые несколько страниц. Кроме того, дифтонг [ei] записывается здесь только как *ei*, хотя в других своих сочинениях Даукантас употребляет и более открытый дифтонг [ai].

Конкуренция референтной и нереферентной серий неопределенных местоимений в литовском языке

Кожанов Кирилл Александрович

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Целью данной работы является выявление и анализ контекстов, в которых возможно употребление только референтной (kaž-) или только нереферентной (nors) серий неопределенных местоимений в литовском языке, либо использование обеих серий, а также отклонения от выявленных правил. М. Хаспельмат [Haspelmath 1997:45] предлагает следующую таблицу контекстов употребления нереферентной и референтной серий неопределенных местоимений:

Контекстами, в которых возможны обе серии неопределенных местоимений, являются: «хотеть», будущее время и дистрибутив (ср. контексты употребления русских местоимений серий *-то* и *-нибудь*: 1) Желание; 2) Условие; 3) Долженствование [Падучева 1985: 220]). Рассмотрим данные контексты более подробно:

Контекст желания

(1) Petras nori pažiūrėti **kažkokį / kokį nors** filmą – Пятрас хочет посмотреть какой-то/какой-нибудь фильм.

В случае референтного неопределенного местоимения *kažkoks* возможно конкретное продолжение: ...bet jo neatrado «но его не нашел». При нереферентном местоимении *koks nors* такая конкретизация невозможна.

Контекст будущего времени

Перфектив, актуальное настоящее	«хотеть», будущее, дистрибутив	императив	Вопрос, условное	отрицание
Референтное возможно		(референтное невозможно)		
(нереферентное невозможно)	Нереферентное возможно			

(2) Mūsų politikai tikriausiai sekmadienį skris **kažkur / kur nors** toli – Наши политики скорее всего в воскресенье полетят куда-то/куда-нибудь далеко.

Осуществление события в будущем позволяет говорящему не ссылаться на определенный референт.

Важно отметить, что в **контекстах перфектива и актуального настоящего** иногда возможно употребление местоимения нереферентной серии. Предложение в таких случаях приобретает оттенок эпистемической модальности:

(3) Manau, kas nors jau apie tai parašė – Думаю, кто-нибудь уже об этом написал.

Неуверенность говорящего вводит эти контексты в область нереального, таким образом, делая возможным употребление нереферентных неопределенных местоимений (эффект «снятой утвердительности» [Падучева 2004]).

Дистрибутивные контексты

Sekmadieniais kažkas / kas nors mūsų visada prisigeria – По воскресеньям кто-то/кто-нибудь из нас всегда напивается.

Употребление референтного местоимения предполагает намек на кого-то конкретного.

В современном литовском языке употребление референтной и нереферентной серии неопределенных местоимений сопровождается рядом особенностей (подбор примеров и контекстов сделан при помощи литовского словаря (Lietuvių kalbos žodynas, www.lkz.lt) и интернет-поисковика www.google.com).

Контекст императива

В подавляющем большинстве случаев употребление референтного местоимения в контексте императива невозможно. Анализ найденных контекстов демонстрирует, что это языковое правило соблюдается наиболее строго. Однако и из него есть исключения: в литовскоязычном интернете встретилось несколько «неправильных» контекстов (при этом важно подчеркнуть, что их действительно немного):

(5) Bet geriau nupirk kažką tokio (nuoroda) ir bus rami galva – Но лучше купи что-то такое (ссылка) и будет спокойна голова.

(6) O gal tu nupirk kažką, kas tiktų jums abiems - pvz. kokį gražų patalynės komplektą – А может, ты купи что-то, что подошло бы вам обоим – напр., какой-нибудь красивый комплект постельного белья.

Пример (5) является особым случаем, когда референтность оправдывается ссылкой на сам объект. В примере (6) один и тот же объект сначала определяется референтным неопределенным местоимением (*kažką*), а затем нереферентным (*kokį* – речь об

альтернативных способах выражения данных местоимений будет идти далее).
Употребление референтной серии здесь возможно благодаря распространению: после неопределенного местоимения идет определительное придаточное предложение.

Контекст вопроса

Этот контекст представлен большим количеством примеров, когда «неграмматично» используется референтное неопределенное местоимение.

(7) Ar turite kažką panašaus į moters idealą? – Есть ли у вас что-то похожее на женский идеал?

(8) Ar prieš kažką jaučiate kalbę? – Чувствуете ли вы за что-то вину?

(9) Ar kažką sakei? – Ты что-то сказал?

Употребление референтного местоимения в вопросе возможно благодаря: 1) Использованию поясняющего определения при местоимении (7); 2) Отсылке к уже совершившемуся событию, которое может иметь конкретный референт (8); 3) переспрашиванию – что-то конкретное уже было сказано, и нужно уточнить, что именно.

Контекст условия

(10) Jei tau sekasi, jei kažką darai, visada atsiras tokių, kurie trukdys – Если тебе везет, если что-то делаешь, всегда появятся такие, которые будут мешать.

Многие исключения показывают, что запрет на использование референтного местоимения в условных предложениях работает слабо. Анализ примеров позволяет сказать, что в современном литовском языке возможность употребления референтной и нереперентной серий либо только одной из них обуславливается временем глагола: при прошедшем и настоящем – только референтная серия, в будущем времени возможна конкуренция.

В целом, проанализированные контексты показывают, что предложенные М. Хаспельматом правила употребления нереперентной и референтной серий неопределенных местоимений имеют силу и для литовского языка, однако есть определенное количество исключений, которые могут быть объяснены дополнительными семантическими и контекстными факторами.

Литература

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.

Падучева Е.В. Эффект снятой утвердительности // Доклады международной конференции «Диалог». 2004.

Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.

Lietuvių kalbos žodynas: www.lkz.lt.

Холодно или горячо: об обозначениях температуры в латышском языке

Перкова Наталья Викторовна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург,
Россия

Поскольку все люди тем или иным образом испытывают разнообразные температурные ощущения, можно говорить о том, что во всех языках существует возможность так или иначе выражать эти ощущения, т. е. наличие лексем со значением температуры является своеобразной универсалией (см. [Plank 2003]).

В данной работе будет рассмотрена семантика латышских прилагательных со значением температуры. Для анализа было взято 11 лексем, которые были проанализированы в соответствии с большим количеством разнообразных параметров. В качестве источников языкового материала использовались данные словарей, корпуса текстов, поисковых систем (Google), а также сведения, полученные от носителей языка.

Базовые признаки:

1. Тип температуры.

Данный параметр касается типа температуры, описываемой конкретными лексемами: *тактильная* (при контакте с объектом определенной температуры),

нетактильная или **атмосферная** (вызвана общими ощущениями от температуры окружающей среды), **внутренняя** (субъективные ощущения живого существа) ([Plank], [Kortjevskaja-Tamm]).

2. Область температуры.

Данный параметр затрагивает непосредственно физические характеристики температуры. В двучленных системах, как правило, наблюдается оппозиция «тепло – холодно», существует и большое количество более сложных систем.

В некоторых языках существуют лексемы, которые не имеют однозначной оценки по шкале «теплое – холодное», обозначая промежуточное состояние (зона нейтральной температуры). Часто они имеют значение «недостаточно теплый / холодный».

Внутри ЛСГ ‘холодные температуры’ также могут наблюдаться семантические различия: так, прилагательное *auksts* в принципе может заменять другие прилагательные данной зоны, прилагательное *salts* обозначает высокую степень холодной температуры, а *vēss* – менее холодную, чем *auksts* (‘прохладный’, скорее противопоставлено жаркому).

Латышские прилагательные температуры можно распределить в таблице 1 по зонам температур следующим образом:

‘холодное’	‘нейтральное’	‘теплое’
<i>auksts</i>	<i>remdens</i>	<i>silts</i>
<i>dzedrs</i>		<i>karsts</i>
<i>vēss</i>		<i>svelmains</i>
<i>dzestrs</i>		<i>tveicīgs</i>
<i>salts</i>		<i>versmains</i>

3. Синтаксическая сочетаемость.

Для проверки синтаксической сочетаемости прилагательных были выбраны главным образом следующие типичные контексты. В скобках приведены данные о том, как коррелирует выбор определенных синтаксических конструкций с типом обозначаемой температуры.

- Атрибутивная функция (тактильная, атмосферная): *Bija auksta nakts*. ‘Была холодная ночь’; *silta tēja* - ‘теплый чай’;

- Предикативная функция (внешняя / атмосферная): *Šodien ir vēss*. ‘Сегодня прохладно’; *DAT + ir + Adj-i* (субъективная); *Man ir silti*. ‘Мне тепло’.

Способность лексемы употребляться в разных синтаксических контекстах и обозначать разные типы температуры является, наряду с некоторыми другими свойствами, признаком того, что лексема является базовым обозначением температуры (см. [Plank]). В латышском языке такими прилагательными являются следующие четыре: *karsts*, *silts*, *vēss*, *auksts*.

Некоторые замечания о свойствах конкретных прилагательных:

1. Прилагательное *remdens* обладает некоторыми любопытными свойствами. Во-первых, оно сочетается с небольшим количеством существительных, главным образом, наименований жидкостей. При этом надо заметить, что *remdens* – это скорее ‘теповатый’ = ‘недостаточно теплый’, т. е. обладающий низкой степенью признака ‘теплый’ по отношению к ожидаемой норме.

По-видимому, именно этим можно объяснить, что в контексте «Сегодня очень жарко, я бы с радостью выпил прохладного пива» словосочетание *remdens alus* прозвучит странно, т. к. в норме пиво должно быть скорее холодным, а более высокая степень температуры в таком случае сочетается с отрицательной окраской.

2. Прилагательное *karsts* обозначает более высокую степень признака «теплый», нежели *silts*. Там, где в норме ожидается умеренно теплая температура объекта, *karsts* обозначает превышение этой нормы; часто это сочетается с отрицательной оценкой такой температуры: она может представлять собой некоторую опасность. Так, если у человека повышена температура и у него горячий лоб, употребляется выражение *Tev ir karsta piere*. ‘У тебя горячий лоб’. По этой же причине предложение *Bija karsta nakts* (‘Была жаркая

ночь') может иметь два значения: 1) Ночью было очень жарко, [и я долго не мог заснуть]; 2) Была очень теплая ночь, [так что я спокойно мог спать в саду в спальнике].

Для сравнения, прилагательные *tveicīgs* и *versmains*, которые также обозначают высокую степень тепла, не могут, тем не менее, обозначать тактильную температуру (поэтому нельзя сказать **Tev ir tveicīga / versmaina piere*).

Прилагательным *tveicīgs*, *svelmains*, *versmains* присуща негативная оценка признака «изнуряюще жаркий», ср.: *Šodien ir versmaina / svelmaina / tveicīga diena* – 'Сегодня *приятный теплый /^{ок} изнуряюще жаркий день'.

Литература

Plank F. Temperature Talk: The Basics // Paper Presented at the Workshop on Lexical Typology at the ALT Conference in Cagliari. 2003. P. 78-89.

Koptjevskaja-Tamm M. Guidelines for collecting linguistic expressions for temperature concepts: <http://www.ling.su.se/staff/tamm/Tempquest.pdf>

Фонотактика имплозии рефренов-звукоподражаний

Тримоните Бикелене Юрга

Аспирантка Института литовского языка, Вильнюс, Литва

Рефрены в литовских народных песнях мало изучены. Наряду с междометиями, заклинаниями, загадками, детской речью и др., они являются объектом фоносемантики. В народных песнях представлены языковые элементы, непосредственно связанные с мелодией. Естественное выражение мысли не всегда укладывается в текст песни, при появлении лишних или, наоборот, недостающих слогов на помощь приходит фонотактика (повторы, слияние, усечение, пропуск звука и зв). Рефрены являются пограничным явлением лексической системы [Zabarskaitė: 25], это языковые знаки, обладающие свойствами слова.

Рефрены в литовских народных песнях весьма частотны и разнообразны. По аналогии с другими лексическими элементами их можно распределить на несколько групп: производные рефрены, напр.: *lyliute* (-ut-), *vitirviukas* (-i)uk-), *leilinga* (-ing-); модифицированные значимые слова, составляющие лексико-семантические группы, напр.: *brolaliai*, *martele*, *panaliai* (люди); *bite*, *dagile*, *katinėli*, *gegulė* (животный мир); *lelija*, *rūta*, *mėtauja* (растения); рефрены-звукоподражания различного происхождения, напр.: *ai*, *ei*, *oi* (возникли из междометий), *bum*, *tram*, *dziug* (из звукоподражательных междометий), *ciuci* (инвокативы). Последние в анализируемых текстах встречаются наиболее часто. Рефрены, источником которых являются междометия, инвокативы, подражания звукам природы, восклицания, примитивным образом выражающие реакцию человека, являются более древними по сравнению со значимыми словами песен.

Рефрены нельзя считать обособленными элементами языка – они подчиняются и законам фонотактики, и законам музыкальной гармонии. Во всех языках слова и слоги образуют не случайные, а регулярные комбинации фонем. Согласные являются периферийной частью слога, которая может занимать место и перед, и после центральной части, или окружать ее с обеих сторон; сами по себе согласные не могут образовывать слога [Girdenis 2003: 118]. Сочетания фонем должны быть расположены по определенным правилам, которым присуща определенная структура – фонотактика, позволяющая определить синтагматические отношения. На основе анализа фонотактики рефренов можно установить наиболее часто встречающиеся звуки рефренов, их сочетания, а также редко употребляемые или совсем не употребляемые звуки, увидеть другие особенности структуры.

Цель данного исследования - изучить фонотактику слоговой имплозии в рефренах-звукоподражаниях: охарактеризовать рефрены-звукоподражания с различными начальными сочетаниями, с одночастной, двухчастной имплозией слога, представить модели слогов рефрена. При этом мы используем статистические методы. Объект исследования – рефрены песен детских; сватовских; военно-исторических; свадебных,

связанных с помолвкой: проводы жениха, девичник, встреча жениха; трудовых, исполняемых при жатве ржи, овса, гречки; семейных песен; свадебных: поиск невесты, отъезд на бракосочетание; военно-исторических; молодежных – любовных; свадебных: возвращение с церемонии бракосочетания, одаривание молодой; трудовых, связанных с полевыми и домашними работами, семейных песен; песен о природе; юмористических поучительных песен: о пьянстве; военно-исторических песен. В качестве источника текстов послужил семнадцатитомный Сборник литовских песен.

Структура рефрена может включать один (1,8 %) или несколько слогов. Большинство рефренов состоит из нескольких слогов. Нами установлено, что в литовских народных песнях преобладают рефрены с шестью и более слогами (50,9 %), напр.: *ak džium džium dabita, capu lapu ryliū, drula drula drula la la*. Большинству из них характерна редупликация. Рефрены из пяти и шести слогов имеют схожее распределение (16,8 % и 16,5 %). Наиболее часто они встречаются в сватовских и юмористических поучительных песнях. Двухслоговые (4,8 %) и трехслоговые рефрены (9,2 %) встречаются редко.

В результате анализа рефренов-звукоподражаний Сборника литовских народных песен оказалось, что структура окончания слога может быть различна, кроме того, можно уловить определенную закономерность эксплозивно-имплозивных сочетаний.

В рефренах-звукоподражаниях чаще всего представлены прикрытые слоги (79,9 %), для них характерна одночастная имплозия (10,6 %), напр.: *dil dil dil dil, dramta ta ta ū ū ū ū ū, gir gir gir gar gar gar, tup tup tūbel, ruzbei zilber dai dai dai*. Слоги с двухчастной имплозивной группой встречаются весьма редко (0,6 %), напр.: *bung bung a da, marš marš*.

Неприкрытые слоги в звукоподражательных рефренах встречаются в несколько раз реже (20,1 %): чаще всего слог оканчивается гласным (79,5 %), напр.: *dralia dralia lia, do do do, fon dry lia lia fon dry lia lia, ku ku ku ku ku ku*; случаи завершения слога дифтонгом довольно редки (9,3 %), напр.: *o trenge rene nazarai trabaldai, naidum naidum*.

В рефренах-звукоподражаниях преобладают открытые слоги, в анализируемом материале они составляют 92,1 %, закрытых слогов – 7,9 %. Частота использования открытых слогов связана с исполнением песен. Фонетические особенности зачастую исполняют ритмическую функцию, существенно увеличивая мелодичность песни. Фонетические средства способны создавать состояние эйфории, нередко переходящее в своеобразную игру со звучанием слова.

Проведенное исследование подтверждает слова Грейма, что «и фонемы являются смысловыми единицами, они обретают смысл лишь при условии интеграции в систему» [Greimas 1989: 21]. Фоносематический взгляд на рефрены во многом позволяет выявить особенности коннотации фонетической структуры.

Литература

Girdenis A. Teoriniai fonologijos pagrindai. Vilnius, 2003.

Greimas A. J. Semiotika. Darbų rinktinė. Vilnius, 1989.

Zabarskaitė J. Refrenai: kelios pastabos apie vietą leksikos sistemoje, fonotaktiką, fonosemantiką // *Žmogus ir žodis*. 1999. № 1 (1). P. 25-31.

Литовская редупликация слов

Уселите Юргита Раймундо

Молодой ученый, Институт литовского языка и университета Витаутаса Великого,
Вильнюс, Литва

Проблеме редупликации в литовском языке до сих пор не уделено должного внимания, даже само понятие не имеет четкого определения. Учитывая опыт зарубежных авторов и основываясь на международных словарях, удвоение можно определить следующим образом: удвоение представляет собой морфологический процесс, при котором (корень, основа) или какая-либо форма слова повторяются в начале (*parakšt, babarkš, babamst, čiuurčiuur, dundun, gurgur*), середине (*tuliuliukas, ujujujui, urururu,*

vingurgurklis) или в конце слова (*ututu, ajajai, apapa, avava, evava, ygaga, ajėjėm, ututut, lakcakcak*). К редупликации относится однократное или многократное повторение отдельных слов, а также аналогичных или сходных по форме междометий (*bim bam, pykšt pakšt, bruzdu brazdu, capu lapu, šuldu buldu*).

Удвоение свойственно многим языкам, хотя его важность и продуктивность в них различна. Редупликацией может быть обозначен процесс, который повторяется дважды, однако в некоторых языках, например, в литовском, она может обозначать процесс, который повторяется трижды. Примерами утроения в литовском языке служат *rururu, kikiki, lalala* и другие.

В литовском языке есть два типа редупликации: удвоение корня/основы/слога (*baubau, bėbė; bobo, būbū, caca, ėė, gaga, kūkū, lala, lili, liūliū*) и целого слова (*tap tap, pinkt minkt, šupt pupt, ling lang, tarkšt patarkšt, čyru vyru*).

У слов литовского языка выделяется полная и частичная редупликация. При полной редупликации происходит удвоение всего слова (*nunu, riri, tprū-tprū*). При частичной редупликации удваивается только отдельная его часть (*tatakšt, lilingt, kekeperst*).

Редупликация корня/основы/слога может быть начальной (префиксальной), финальной (суффиксальной) или внутренней (инфиксальной). Начальная редупликация в литовском языке выражается так: *le-lupt, li-lingt, ka-karyku, li-lingu, liu-liučio, dri-dringt, švi-švilpt*; заключительная так: *klikla-kla, klikle-kle, hm-m, šiū-ū*; внутренняя так: *ci-li-lingt; ta-la-laku, at-gim-giminy*.

Редупликация слова в литовском языке имеет определенные особенности: в повторяющихся формах могут отличаться гласные (*klibum klabum, grundu grandu, plišku pliaušku, tilingu talangu, tykšt taukšt, timpt tampt*), согласные (*šmaukšt pliaukšt, trakšt brakšt, trinkt brinkt, čera mara, čėžū vežū, čiba riba, salu malu*), может быть добавлен префикс (*šliūkš pašliūkš, bumt pabumt, cypt pacypt, čiaukš pačiaukš*) или окончание слова (*strak strakum, strik strikum, cob cobė, kud kuda, kud kudė, kut kuda, rid ridi, tuk tuku raptu raptais, šuldu buldais, taušku tauškais*).

Удвоение является одним из иконических элементов языка. Отношение между иконичностью и удвоением может быть выражено следующим образом: при общении повторяя (редуплицируя) ту же форму, мы стремимся сказать больше, чем при произнесении или написании слова лишь один раз.

Некоторые из редупликационных слов используются только при удвоении, т. е. вне его оба не имеют смысла (*striukum bukum, kriku kraku, klibum klabum, šmikštu pašmaukštu, tvinku tvaku, padrikum padrakum*), а также в тех случаях, когда лексическим значением обладает только один из них (*kidi bidi, šaku maku, liku laku, aldri aldri, šuldu buldu*). Кроме того, в литовском языке известны удвоения, элементы которых обладают значением и могут существовать в языке самостоятельно (*šnyru šnaru, trakš patakš, tapu laupu, tipu tapu, pykš paukš*).

Все редупликационные слова, выявленные в Словаре литовского языка, являются неотъемлемой частью языка, однако их употребление может показаться весьма забавным и во многом до конца неизведанным. Эти слова являются редкими лексическими единицами нашей повседневной речи. В разных языках присутствуют разные формы редупликации. Редупликация слов отчетливо проявляется в литовском языке, делая его живее и образнее.

Литовский язык обладает различными языковыми знаками, которые мы употребляем при общении. Удвоение можно назвать избыточным средством коммуникации, но оно делает ее более эффективной и способствует устранению проблем общения.